

А. А. МОКАНЬ (Ленинград)

ЗАМЕЧАНИЯ К ЭТИМОЛОГИИ ВОСТОЧНОСЛОВАЦКОГО И ЗАКАРПАТСКО-УКРАИНСКОГО *kapura* 'ВОРОТА'

Существующая этимология восточнословацкого *kapura* 'ворота' (П. Кирай, К вопросу о существительных с именительным падежом из косвенных падежей. — *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae* VII 1961 (в дальнейшем: *Studia Slavica*), стр. 5) и закарпатско-украинского *kapura* 1. 'ворота', 2. 'любые хорошие, добротной постройки ворота' (И. О. Дзендзелівський, Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (Лексика) II, Ужгород 1960, карта 135), 3. 'большие ворота в городской тюрьме или в школе' (мараморошский диалект — из нашего материала) <венг. *kapu* 'ворота' (G. Bárczi, *Magyar Szófejtő Szótár*, Budapest 1941, стр. 151) в принципе не вызывает возражений. Трудность состоит в наличии двух различных и примерно равноценных объяснений последнего слога (-*ra*), предложенных советскими и венгерскими славистами.

И. А. Дзензелевский, П. Кирай и Б. Шулан считают, что восточнословацкое и закарпатско-украинское *kapura* заимствовано из венгерской сублативной падежной формы *kapu + ra* 'на ворота', восходящей, по всей вероятности, к старому военному приказу *kapura!* 'иди, беги, навались на ворота!'.¹ «Хотя мы не располагаем непосредственными данными о том, — отмечает П. Кирай, — что это на самом деле произошло так, однако если рассматривать исторические данные, подобное объяснение не кажется бесосновательным. Ср., напр.: 1651: «Az ledült bástyára jön vitéz Demirhám... *Megy kapura erős s nagyszívű Delimán*» 'На сваленную башню идет доблестный Демирхам, ... Идет на ворота Делиман, богатырь с большим сердцем' (Zrinyi, SzV. X, 11); 1611: «Harmad felől az városnak derék *kapujára* magam *mentem* az fizetett hadakkal» 'С третьей стороны я сам пошел на укрепленные ворота города, с нанятыми полками' (Kemény J., *Önéletírása*. [Автобиография] Pest 1856, 414—5).»²

Венгерский славист Э. Балецкий, однако, придерживается иного мнения. Он считает, что «венгерское существительное *kapu* (с конечным гласным *u*) получило (в украинском говоре с. Комлошка и в закарпат-

¹ И. О. Дзендзелівський, До питання про мадяризм у говорах Закарпатської області. — Доповіді та повідомлення. Ужгородський державний університет. Серія філологічна, № 4, Ужгород 1959, стр. 62—63; П. Кирай, К вопросу о существительных с именительным падежом из косвенных падежей. — *Studia Slavica* VII 1961, стр. 5, сноска 13; Б. Шулан, Некоторые замечания по вопросу заимствования слов из неродственных языков. — *Studia Slavica* X 1964, стр. 170.

² П. Кирай, указ. раб., стр. 5, сноска 13.

ско-украинских диалектах — А. М.) суффикс *-ura* по аналогии с *цанура*, *шашура*. От *кари* образовано еще в говоре существительное *каришка*.³

П. Кирай не согласен с объяснением Э. Балецкого и утверждает: «Слово *капура* заимствовалось восточнословацким и закарпатско-украинским населением, видимо, рано, когда функцией «ворот» — *кари* — являлась защита от внешнего врага.»⁴

Доводы П. Кирая весьма убедительны. Однако обращает на себя внимание приведенный им же интересный факт, мимо которого нельзя пройти: «Слово *кари* в румынских диалектах Баната (территория между Тиссой, Дунаем и Марошем) бытует в форме *сăput* (т. е. соответствующий вин. п. ед. ч. данного венгерского слова).⁵ Здесь возникает вопрос: если восточнословацкое и закарпатско-украинское *капура* действительно происходит от венгерского военного приказа *kapural*, то почему в румынских диалектах Баната и в других румынских диалектах Трансильвании (L. T a m á s, Etymologisch-historisches Wörterbuch der ungarischen Elemente im Rumänischen (unter Berücksichtigung der Mundartwörter), Budapest 1966, стр. 179) имеется форма *сăput* ~ *caput* (из венгерского вин. п. ед. ч. *кари* + *t* < *кари*)? Ведь румыны Баната в свое время тоже принимали участие вместе с венграми в штурмах замков, атаковали ворота крепостей. Они выполняли те же венгерские команды, что и словаки или закарпатские украинцы. Кроме того, уязвимой стороной объяснения И. А. Дзэндзелевского, основанного на мнении носителей языка⁶, и исходящего из исторических данных толкования П. Кирая является то, что первая фиксация *капура* в восточнословацких источниках датируется 1786 г., а в закарпатско-украинских — только 1883 г. (П. Кирай, К вопросу о существительных с именительным падежом из косвенных падежей, стр. 5)⁷, т. е. значительно позже предполагаемого времени заимствования. Эти существенные, по нашему мнению, обстоятельства позволяют нам попытаться уточнить объяснение, предложенное И. А. Дзэндзелевским, П. Кираем и Б. Шуланом.

Венгерское падежное окончание *-ra* (~ *-re*) раньше употреблялось, как известно, не только в значении 'на' (сублатив), но, например, в значении *-hoz* (~ *-hez* ~ *-höz*) 'к' (аллатив), *-ba* (~ *-be*) 'в' (иллатив) и т. д. Например: середина XV в.: *Jewue az kappura es czergete oly syetuen es oly sokka, mykent zokatlan* 'Пришел на ворота (т. е. *капуhoz* 'к воротам' — А. М.) и нетерпеливо и долго стучался'; первая четверть XVI в.: *Czergetuen Ianos azert a kapun Magdalna hamar a kapura mene es be boczata* 'Поэтому Иоанн постучался в ворота, Магдалена поспешно пошла на ворота (т. е. *капуhoz* 'к воротам' — А. М.) и выпустила его' (G. S z a g v a s, Zs. S i m o n y i, Magyar Nyelvtörténeti Szótár II, Budapest 1891, стр. 115); 1516—1519 гг.: *fel menwen menyorszagra* 'поднявшись на рай' (т. е. *menyországba* 'в рай'); середина XVIII в.: *Az asszonyok a várostra mennek* 'Женщины идут на город' (т. е. *városba* 'в город')⁸; вторая четверть XIX в.: *Elment az én rózsám idegén országgra, Azt izente vissza, hogy menjek utánna* 'Ушел мой любимый на чужую

³ Э. Балецкий, Венгерские заимствования в лемковском говоре села Комлошка в Венгрии. — *Studia Slavica* IV 1958, стр. 35, 25, 45.

⁴ П. Кирай, указ. раб., стр. 5, сноска 13.

⁵ Там же.

⁶ И. О. Дзэндзелівський, До питання про мадяризм у говорах Закарпатської області, стр. 63.

⁷ В румынских письменных памятниках *сăput* впервые засвидетельствовано в первой четверти (?) XVIII в. См. J. P o r o v i c i, Néhány észrevétel a román nyelv magyar jövevényszavaihoz. — *Nyr.* XXXVIII 1909, стр. 212; Gy. A l e x i c s, Néhány észrevétel a román nyelv magyar jövevényszavaihoz. — *Nyr.* XXXIX 1910, стр. 36; L. T a m á s, Etymologisch-historisches Wörterbuch der ungarischen Elemente im Rumänischen (unter Berücksichtigung der Mundartwörter), стр. 179.

страну (т. е. *országba* 'в страну'), Велел передать мне, чтобы я пошла за ним' (J. Kriza, *Vadrózsák, Székely népköltési gyűjtemény I. — Magyar Népköltési Gyűjtemény. Új folyam XI, Budapest 1911, стр. 213*). Кстати, и в современном венгерском языке «этот же падеж в некоторых выражениях может иметь вообще латинное значение, указывая на направление без отношения к поверхности чего-либо: *az egyetemre, az akadémia-ra, a főiskolára menni* 'идти в университет, в академию, в институт учиться'». ⁹

Итак, рассматриваемое слово с падежным окончанием *-ra* употреблялось в следующих основных значениях 1) 'на ворота', 2) 'к воротам', 3) 'в ворота' и, следовательно, было одной из распространенных форм. Румынскую форму *săput* (~ *caput*) легко объяснить, если учесть, что венг. *-t* винительного падежа относилось и относится к числу самых употребительных падежей. Слова же могут быть заимствованы в наиболее часто употребляемой форме языка-источника, поэтому в восточно-словацком и закарпатско-украинском *карига* не обязательно видеть старую венгерскую военную команду.

Приводимые И. А. Дзендзелевским (И. О. Дзендзелівський, Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (Лексика) I, Ужгород 1958, карта 30) производные от *кап'ура*: *кап'урка* и *кап'ур'а* 'калитка' могли бы свидетельствовать о том, что их общим источником было венг. *кари* с падежным окончанием *-ra*. Но существительное *каричка* 'калитка', которое, по мнению Э. Балецкого, заимствовано от именительного падежа венг. *кари* 'ворота' (см. выше), видимо, не подтверждает первого объяснения. Необходимо рассмотреть и точку зрения Э. Балецкого.

Нам представляется наиболее правильным в первую очередь выяснить, как морфологически оформляются в диалектах и говорах рассматриваемых языков венгерские слова данного типа, т. е. с конечным гласным *-u* (~ *-ü*). Среди свыше 3200 венгерских заимствований румынского языка и его диалектов имеется только 17, венгерские источники которых принадлежат к интересующему нас типу. ¹⁰ Наиболее частый способ оформления — дифтонги *-ău*, *-eu*, *-iu*. Реже встречаются исчезновение конечного *-u* и заимствования типа *săpu-t*; ср. венг. *bú* 'печаль' > *bút* (вин. п. ед. ч.) > румын. *but*. Сохранение, например, венгерского конечного *-u* (ср. венг. *daru* 'лебедка' > румын. *doru*) наблюдается спорадически. Следовательно, приведенные данные свидетельствуют о том, что венг. *кари* в румынском, вероятнее всего, могло оформиться как 1) **kăpău* (~ **kăpăü*), **kăreu*, **kăriu*, 2) **cap* и, как оно и оформилось в действительности, — 3) *săput*.

Количество венгерских заимствований данного типа в закарпатско-украинских диалектах также незначительно: *đalu*, *đalu(u)*, *đalu* ~ *đala*, *đaliu*, *đalü(ü)*, *đalovyc* 'рубанок' (< венг. *gyalu*, *gyalú*); *đalu(u) na kapustu*, *đaliu na k.*, *đalü(ü) na k.*, *đalu(u) na k.* ~ *đala* 'шинковка' (< венг. *káposztagyalu*); *făto*, *fătu(u)*, *fătiu*, *fătü(ü)* 'мальчик до восьми лет' (< венг. *fattyu*, *fattyú*); *hăjduk* 'гайдук' (< венг. *hajdu*, *hajdú*); *o*џ *o*џ 'обмолотки' (< венг. *ocsu*, *ocsú*) и, вероятно, *vakaru(u) vakaravanyk*

⁸ J. Berrág, *Magyar történeti mondattan. Kézirat, Budapest 1957, стр. 118.*

⁹ К. Е. Майтинская, Венгерский язык I, Москва 1955, стр. 135.

¹⁰ См. L. Tamás, *Etymologisch-historisches Wörterbuch der ungarischen Elemente im Rumänischen (unter Berücksichtigung der Mundartwörter)*, Budapest 1966, словарные статьи *bășău*, *bornéu*, *bilci*, *but*, *dóru*, *foáchi*, *fruf*, *gealü*, *haidău*, *hoisă*, *lih*, *ocióci*, *săitău*, *tanău*, *văcărău* и *vălău*.

'круглая по форме масса вываренной соли' (<венг. *vakaru, vakarú, vakaró* 'поскребки'); *valo*, *valu(ü)*, *vali*, *valü(ü)* 'кормушка' (<венг. *vállu, válu, välló, váló*). Приведенные примеры показывают, что венг. *kari*, вероятнее всего, должно было оформиться, как **karo*, **kari* ~ **kari* (< **kari*) и **kari(ü)*.

В восточнословацких говорах нам удалось найти (кроме *kari*) только следующие существительные этого типа: *falo*, *hajduk* и, как вероятное, *valo* (P. Király, Die ungarischen Lehnwörter einer ostslowakischen Gemeinde. — *Studia Slavica* X 1964, стр. 230, 232; его же, Die ungarischen Lehnwörter einer ostslowakischen Gemeinde II. — *Studia Slavica* XI 1965, стр. 105).¹¹ Следовательно, в этих говорах наиболее вероятной должна бы быть форма **karo*.

Рассмотренные данные показывают, что во всех трех языках наиболее частой и, следовательно, типичной является одна морфологическая модель, выступающая при заимствовании венгерских существительных с конечным *-i* (~ *-ü*). Почему же ни один из этих языков не использовал ее при морфологическом оформлении венг. *kari*? Одним из возможных предположений может быть то, что наиболее вероятное место, которое венг. *kari* должно было бы занять по звуковому облику и морфологическому оформлению в румынских, закарпатско-украинских диалектах и восточнословацких говорах, уже занято другим (своим или заимствованным) словом. Мы выяснили, что таким словом в румынских и закарпатско-украинских диалектах может быть венг. *koró, koró* 'гончая собака, ищейка', которое в румынских диалектах оформилось как *sărâi, sarai* (наиболее частые формы в Трансильвании и Молдавии), *sorai, soroi, saroi* и *soroi, sorai*; впервые засвидетельствовано в начале XVIII в., широко употребляется как в литературном, так и в разговорном языке.¹² В закарпатско-украинских диалектах *karo*, *kari(ü)*, *kari(ü)*, *korü(ü)*, *korü(ü)*, *korü* впервые засвидетельствовано в XVIII в. (Л. Держе, К вопросу о венгерских заимствованиях в закарпатских памятниках XVI—XVIII вв. — *Studia Slavica* VII 1961, стр. 166).¹³

Сложнее обстоит дело с восточнословацкими примерами, ибо засвидетельствованное в XVIII в. *korov* 'ищейка' (P. Király, Latsny Adamus: *Dictionarium saec. XVIII.* — *Studia Slavica* III 1957, стр. 91), совр. *koró* 1. 'Spürhund', 2. 'Kujon, Schelm' (P. Király, Die ungarischen Lehnwörter einer ostslowakischen Gemeinde. — *Studia Slavica* X 1964, стр. 236) из-за неизменного *-o-* в первом слоге¹⁴ не совсем подходит сюда, а безусловно по фонетическому облику и подходящее существительное в словацких письменных памятниках не встречается. Мы имеем в виду *karo* 1. 'mit einem Griffe (bei dem Kinderballspiel)', 2. 'Kraftprobe' < венг. *koró* (P. Király, Die ungarischen Lehnwörter einer ostslowakischen Gemeinde. — *Studia Slavica* X 1964, стр. 234) 'старинная игра в лапту' (G. Szarvas, Zs. Simonyi, Magyar Nyelvtörténeti Szótár II, стр. 104; A Magyar Nyelv Értelmező Szótára III, Budapest

¹¹ См. также: P. Király, Latsny Adamus: *Dictionarium saec. XVIII.* — *Studia Slavica* III 1957, словарные статьи *hajduch* (стр. 86) и *valo* (стр. 106).

¹² L. Tamás, указ. раб., словарная статья *soroi*.

¹³ В мараморшском украинском диалекте мы записали пословицу с данным заимствованием: *ne touđi háďávaty korávi. kođ bi uly u ľávi (~ haďtávi)*.

¹⁴ См. также J. Jungmann, *Slownik česko-německý* II, Praha 1836: 2) *kor. m., slc. (magy. koró) Spürhund* (стр. 121) и *korow, a, m., slc. (magy. koró) schwarzbrauner Jagdhund* (стр. 124).

1960, стр. 742).¹⁵ Венгерские письменные памятники говорят о том, что венг. *koró* ~ *koróц* 'ищейка' в говорах и диалектах всех трех языков встречается раньше, чем венг. *kari* 'ворота', чего нельзя сказать о *karó* ~ *karóц* 'старинная игра в лапту'.

Тот факт, что в закарпатско-украинских диалектах из двух возможных вариантов (*kapura* и *kaput*) налицо именно первый, можно было бы объяснить так: образование при помощи суффикса *-ura* оказалось более приемлемым, так как понятие 'ворота' ассоциировалось с чем-то, имеющим большие размеры, а признак женского рода хорошо согласовался с формами *porta*, *brama* 'ворота'.

Восточнославяцкое *kapura* вряд ли можно считать суффиксальным образованием, ибо в этих говорах, насколько нам удалось установить, суффикс *-úra* (~ *-ura* ?) не придает словам значения 'большой по размеру'. Поэтому можно предположить и опосредствованное заимствование, т. е. не прямо из венгерского языка, а из закарпатско-украинских диалектов.

Изложенное позволяет, как нам кажется, прийти к выводу о том, что ни одна из рассмотренных точек зрения не доказана окончательно. Действительное положение вещей может быть выяснено только в том случае, если будет объективно доказана истинность одной из исходных позиций. Последнее возможно лишь при условии, когда мы будем располагать новыми, пока еще неизвестными данными.

A. A. MOKÁNY (Leningrad)

BEMERKUNGEN ZUR ETYMOLOGIE DES WORTES *kapura* 'DAS TOR' IM SLOWAKISCHEN UND IM UKRAINISCHEN

J. Dzendzelevskij, P. Király und B. Sulán betrachten das Wort *kapura* 'das Tor' im Ostslowakischen und im transkarpatischen Dialekt des Ukrainischen als eine Entlehnung aus dem ung. *kapura*, d. h. eine Sublativform des ung. Wortes *kapu* 'das Tor' versehen mit dem Suffix *-ra*, das wäre eine Militärfachausdruck gewesen. E. Balczki erklärt das Wort anders als die vorigen Forscher. Seiner Meinung nach wäre die Endung *-ra* nach Analogie des ukrainischen *цанура*, *шауура* entstanden. Der Verfasser hält beide Meinungen für noch nicht bewiesen.

¹⁵ Данное заимствование встречается также в закарпатско-украинских диалектах. Его отметил и Л. Чопей (Русько-мадярский словарь, Будапешт 1883, стр. 143): *капвэ* 1. *koró* (*vadászkutya*); ищейка; 2. *karó* (*lapdajáték*); игра в лапту.